

На правах рукописи

МОРДОВЦЕВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В МЕНТАЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

23.00.02 - политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ростов-на-Дону - 2004

Работа выполнена в Ростовском юридическом институте МВД России

Научный консультант доктор юридических наук, профессор
Баранов Павел Петрович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент
Денисенко Виктор Васильевич;
доктор философских наук, профессор
Корольков Александр Аркадьевич;
доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор
Рассказов Леонид Павлович

Ведущая организация Ростовский государственный университет

Защита состоится 20 сентября 2004 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д.203.011.01 по политическим и юридическим наукам при Ростовском юридическом институте МВД России по адресу: 344015, Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ростовского юридического института МВД России.

Автореферат разослан 18 августа 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.М. Вакула

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Последнее десятилетие Россия переживает серьезнейшие потрясения, связанные со стремлением определенных политических сил к изменению оснований и ориентиров российской государственности. Данный период одни исследователи называют «эпохой великих реформ» (заимствуя название, закрепившееся за российскими реформами второй половины XIX в.), другие же, наоборот, считают временем упущенных возможностей и «разбитых надежд», а третьи вообще определяют его как спланированный и целенаправленный развал отечественного государства. В сложном процессе заимствований, смешений, рецепций разнородных правовых и политических институтов постановка вопроса о самоидентификации отечественной государственности как важнейшего элемента объективно существующего, законосообразного, саморегулируемого и динамичного национального политического мира вполне соответствует потребностям современного государственного строительства и правовой политики.

Очевидно и то, что современная отечественная правовая и политическая науки нуждаются в пересмотре собственных теоретико-методологических оснований, учитывая иные типы рациональности, предполагающие отказ от классических (позитивистских) схем правопонимания, вовлечение в исследование национальной государственно-правовой реальности ранее не замечаемых глубинных (мировоззренческих, эмоционально-чувственных, культур-семиотических и др.) элементов, вскрывающих «почву» политико-правовых институтов, явлений и процессов.

Рассуждения юристов и политологов на уровне общих, часто претендующих на универсальность схем остаются в стороне от юридической и политической конкретики, не схватывают и не раскрывают сущности и значения метаморфоз, происходящих в отечественном государственно-правовом пространстве. Достаточно легковесными кажутся и призывы ряда зарубежных и российских правоведов и политологов унифицировать, стандартизировать правопорядки всех цивилизованных государств и тем самым преодолеть некую «национальную ограниченность» юридической и политической жизни страны.¹

¹ См., например Цвайгерт К, Кетц Х Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права М, 1995 Т 1 С 71

Другими словами, в политической и юридической сферах должен произойти переход на новый уровень понимания отечественной политико-правовой реальности: от узких, монистических эвристических моделей и установок (марксистских, естественно-правовых и др.), разрозненных обобщений и выводов - к целостной доктрине национальной государственности, т.к. само понятие «государственности» фиксирует идею о необходимости расширить понятие государства, ввести дополнительные исторические (динамические) характеристики с целью объяснения того, куда идет то или иное государство, что строит то или иное общество, для расширения временного диапазона понимания и объяснения различных проблем эволюции общественной жизни... Понятие государственности несет очень важную историко-прогностическую смысловую нагрузку»².

Причем, как представляется, первый этап - сравнения и заимствования (часто механического) юридико-политических институтов и форм - процесса изучения российской государственности в условиях характерной для постсоветской гуманитарной парадигмы смены акцентуации отечественной политической и правовой наук практически завершился. Увлечение идеями сравнительного государствоведения и правоведения, стремление к быстрому импортированию, не имеющему никаких пределов заимствованию иного (преимущественно западного) опыта организации властно-правового и политико-институционального пространства, государственного строительства, «вживлению» его базовых компонентов в отечественный государственный уклад не прошло бесследно и, несомненно, дало свои результаты. Среди прочего прежде всего обнаружилась явная недостаточность «игры с явлениями и формами» без обращения к их подлинной сущности, специфике, явленной в российском национальном мире. В этом увлеченном копировании вопрос о том, а может ли Россия...? еще не звучит. Однако подобное развитие событий не только неизбежно, но и просто необходимо, т.к., занимаясь институционализацией чужого опыта, мы на самом деле заняты познанием себя, и, по большому счету, это единственный вопрос, который нас действительно интересует: постперестроечная юридическая и политическая теория и практика в погоне за некими «прогрессивными» началами вовлекается в межкультурный диалог - основу движения национального государства и права.

В последнем российская политическая реальность стремится выразить себя через другой государственно-правовой уклад, однако (это как раз нуждается в обстоятельном и непредвзятом исследовании), так или иначе, остается «при *своем*».

Второй период (эпоха постмодернизации) - обращение к рассмотрению культурцивилизационных и генетических аспектов собственного политико-юридического мира- органически вырастает из успехов и неудач первого. В практическом плане ясно, что скоропалительное изменение всех сфер российской государственности не только невозможно, но при отсутствии концепции реформирования, четких, социально и национально взвешенных целей и ориентиров опасно. События второй половины 90-х гг. XXв., очевидные просчеты и неудачи отечественных реформаторов оказываются катализатором, стимулируют постепенное изменение взгляда на природу права и государства вообще и специфику российского юридико-политического бытия в частности.

В данном контексте обращение к историческим и духовным основаниям отечественной правовой и политической системы и, соответственно, к глубинному источнику последней — национальному политико-правовому менталитету - наиболее устойчивому элементу государственности - как никогда своевременно. Очевидно, что, хотя юридическая и политическая рецепция является объективным фактором правового прогресса, но пределы заимствования иного опыта в государственном строительстве зависят от того, насколько он отвечает условиям жизни, культуры, обычаям, традициям и ментальности народа. В противном случае неизбежна деформация собственной государственности и даже полная ее потеря. Поэтому обращение к этой проблеме явно выходит за рамки «чистого теоретизирования», познания ради познания или «оттачивания» методологических схем, так или иначе вторгается в практическую сферу, несомненно, связано с поиском ориентиров современного отечественного реформирования (правового, политического, экономического и др.). Очевидно, что только в данной плоскости и может идти поиск оптимальных проектов дальнейшего государственно-правового развития России, юридических механизмов, реально обеспечивающих возможность влияния гражданского общества на процессы формирования отечественной правовой государственности.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы, связанные с пониманием основ национального государства, духовного мира, явленного в национальной политико-правовой сфере, привлекали внимание многих отечественных и зарубежных правоведов, политологов, философов, историков. Библиография, обозначенная в диссертации и используемая в ней, в основном отражает тенденции и результаты современного развития заявленной темы.

Исследования в данной области проводились и имеют место в настоящее время в рамках различных гуманитарных наук. Так, среди зарубежных и отечественных философов, политологов и социологов несомненный интерес в плане разработки концепции национального менталитета, методологии его изучения представляют работы Е.А. Ануфриева, М.М. Бахтина, Н.И. Бирюкова, Г. Бутуля, П.С. Гуревича, Г.Г. Дилигенского, В. Дильтея, П. Динцельбахера, Э. Дюркгейма, А. Инкельса, Ж. Карбонье, Д. Левинсона, Л.В. Лесной, Б.В. Маркова, И.В. Мостовой, А.С. Панарина, И.К. Пантина, В.М. Розина, Г. Симона, Н.Е. Тихоновой, М. Фуко, Г. Хофстеда, Р. Эмерсона и др. В социально-психологическом контексте большое внимание поставленным проблемам уделялось в фундаментальных трудах З. Барбу, И.Г. Дубова, Б.А. Душкова, В. Вундта, Г. Лебона, Р. Мандру, В.А. Шкуратова, Э. Фромма, К.Г. Юнга и др. Конечно, не обошли своим вниманием проблему этнонационального мировидения и специалисты в области культурантропологии и юридической (политической) антропологии (И.Я. Баховен, А. Гарапон, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, Н. Рулаң, Г. Дж. Самнер-Мэн и др.). Исторический аспект проблемы ментальности представлен в творческом наследии французской школы «Анналов»: М. Блок и Л. Февр выступили инициаторами ментального измерения истории, обратив внимание на тот пласт сознания, который в силу своей слабой оторефлектированности не нашел прямого отражения в источниках, а значит, постоянно ускользал из поля зрения историков. Эти же вопросы были предметом исследования историков Ф. Ариеса, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Лефевра, Ж. Ле Гоффа, историка и теоретика культуры Й. Хейзинги и др. В отечественной историографии особое место в изучении истории ментальностей, глубинных цивилизационных структур принадлежит А.Я. Гуревичу, значение работ которого в этом плане трудно переоценить. Теоретико-историографические аспекты категорий «менталитет», «ментальность», также рассматриваются в немногочисленных публика-

циях ряда современных российских исследователей (А.Ю. Большаковой, Е.Ю. Зубковой, А.И. Куприянова, Л.Н. Пушкарева, О.Г. Усенко и др.).

В отечественной юридической науке, философии политики и права традиционно (особенно в досоветский период) достаточно много внимания уделялось изучению проблем, понятий, связанных с национальной политико-правовой ментальностью, духовными основами российского государственно-юридического бытия. Отдельно следует выделить классические труды российских правоведов и философов второй половины XIX - начала XXв. - Н.Н. Алексеева, А.Д. Градовского, И.А. Ильина, К.Д. Кавелина, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.Л. Солоневича, Л.А. Тихомирова и др., содержание и смысл которых, видимо, еще предстоит осмыслить, возможно, заново открыть и оценить не одному поколению отечественных юристов и политологов.

Однако и в современном политико-правовом знании имеются достаточно солидные наработки в смежных темах и направлениях. К национальным основам российского государства и права, отечественной политической системы, перспективам их развития в своих работах последних лет обращаются такие авторы, как А.М. Величко, И.А. Иванников, Л.Е. Лаптева, Е.А. Лукашева, А.В. Малько, Л.А. Морозова, П.А. Оль, Р.А. Ромашев, В.Н. Синюков и др. Следует также отметить достаточно оригинальные труды Л.В. Акопова, В.М. Баранова, П.П. Баранова, Н.Н. Вопленко, В.Н. Кудрявцева, С.И. Максимова, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, А.И. Овчинникова, С.П. Овчинниковой, М.А. Пшеничникова, В.П. Сальникова, посвященные проблемам правосознания, правовой культуры, правового мышления, законности и правопорядка, философского осмысления политико-правовой реальности. Важные для рассмотрения заявленной в диссертации темы теоретические разработки в области государствоведения, теории политической системы и истории государства и права обстоятельно представлены в публикациях И.Ю. Козлихина, В.Я. Любашица, Л.С. Мамута, М.Ю. Мизулина, В.В. Момотова, Д.Я. Резуна, В.Е. Чиркина, Д.Ю. Шапсугова и др.

Среди явно немногочисленных изданий, непосредственно анализирующих тот или иной аспект национального политико-правового менталитета, можно выделить работы Р.С. Байниязова, М.Ю. Бражникова, А.И. Коваленко, Р.А. Лубского, Д.В. Меньяло.

Объектом исследования является государственность как самый сложный комплекс элементов, структур и институтов публичной власти, обусловленных самобытностью правовых, политических,

духовно-нравственных и социально-экономических условий жизнедеятельности общества.

Предметом исследования выступает политико-правовая трансформация российской государственности как целостного публично-правового (публично-властного) феномена, обладающего оригинальной национально-культурной ориентированностью и имеющего свои типологические особенности, закономерности развития, динамику и форму, укорененные в правоментальном универсуме.

Цель и задачи исследования. Целью данного диссертационного исследования является институционально-правовой анализ российской государственности как самобытного политико-правового явления в ее ментально-правовом измерении и правокультурной определенности.

Реализация поставленной цели осуществляется решением следующих конкретных задач:

- рассмотреть имеющую место в зарубежной и отечественной литературе традицию изучения категорий «менталитет», «ментальность», «национальный характер»; на основе обобщения основных идей и подходов классифицировать представленные концепции;
- выяснить исходные, сущностные, базовые элементы теории правового менталитета, сформулировать его понятие, определить его онтологический статус и характерные черты, основные функции и место в ряду других юридических явлений идеальной сферы (правосознание, правовая культура, юридическое мышление и т.д.), виды;
- изучить особенности российской политико-правовой ментальности и ее влияние на выбор путей и средств создания постсоветской государственности, трансформацию отечественных политических структур и институтов;
- проанализировать столично-провинциальную дифференциацию российского политико-правового менталитета как проблему, актуализировавшуюся в связи с развивающейся в настоящее время теорией регионального законодательства;
- в систематической форме выявить макроуровневую природу национального правового менталитета как социокультурной основы политического и правового порядка, развития и функционирования политико-институционального пространства через анализ его архитектурных (структурных) компонентов;
- в теоретико-методологическом плане исследовать проблему первопорядковых проявлений правовой ментальности, актуализирую-

- щихся у индивидов и социальных общностей в области политико-юридической повседневности в виде совокупности правовых и политических ценностей, ориентации, установок, символов и ритуалов, рассмотреть типологию политико-правового менталитета;
- выявить и проанализировать основные факторы, обуславливающие становление российской государственности, институционализацию ее компонентов в контексте генезиса национальной политико-правовой ментальности;
 - рассмотреть специфику социокультурной легитимации институтов
 - российской юридической ментальности;
 - обозначить метод ментального измерения российской государственности, национальных политико-правовых институтов, процессов и явлений;
 - опираясь на современные теоретико-методологические концепции и подходы, имеющиеся эмпирические данные, выявить социально-правовые практики (диспозитив, отечественную модель государственной власти), привычные образы национального государства, особенности отношения россиян к закрепленным в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах государственно-юридическому механизму, политическим структурам и институтам, отражающиеся в их правовом поведении и обуславливающие реальное состояние государственности, современные конституционные приоритеты, обеспечение прав и свобод человека и общества, специфику властеотношений, законность и правопорядок.

Методологическая и теоретическая основы исследования.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования существенным образом опирается на разработки в области политологии, философии и методологии юридической науки, истории политических и правовых учений, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам. Существенное влияние на представляемую работу оказали труды Н.Н. Алексеева, П.П. Баранова, В.М. Баранова, Г.Дж. Бермана, В.Ю. Верещагина, А.Д. Градовского, И.А. Ильина, Л.С. Мамута, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, В.М. Розина, Н. Рулана, В.Н. Синюкова, М. Фуко, Г. Хофстеда, В.Е. Чиркина, А.С. Ященко и др.

Предмет, цель и задачи исследования, системный характер диссертации определили ее методологическую основу, которая обеспечивается сочетанием всеобщих, общенаучных (диалектического, логического и структурно-функционального анализа и синтеза, социоло-

гического, интеллектуально-технологического и ментального измерения, генетической реконструкции и др.) и специальных методов исследования (сравнительно-правового, историко-правового и др.).

Кроме этого, в работе сделан акцент на применение принципа дополнительности в понимании специфики поведения индивидов и их групп в политико-правовой сфере, когда, с одной стороны, имеющие место политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой - эффективность и устойчивость юридикто-политических компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором». Концепция российской государственности в ее ментально-правовом аспекте выстроена методами понимания и объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам постнеклассической (понимающей) науки. Именно такой подход и позволил рассмотреть сферу политической повседневности, национальные правовые и политические институты, юридический менталитет, выявить специфику и перспективы развития отечественной государственности и гражданского общества, в той или иной мере адекватно оценить стремление реформаторов (прошлого и настоящего) к глубинным цивилизационным переменам (смене ценностей, идеалов и т.п.) в России.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой многоплановое исследование, включающее теоретические, методологические и историко-правовые вопросы. Автор показывает принципиальную способность национальной государственности, политико-институционального пространства подвергнуться ментально-правовому измерению, последовательно аргументирует теоретическую и практическую значимость анализа исторических и духовно-нравственных основ отечественной властно-государственной деятельности, российского юридического бытия. Политико-правовой менталитет в свою очередь представлен в качестве глубокого пласта правовой сферы духовного мира человека и общества, устойчивого правокультурного явления, имеющего свою структуру, функции и проявления в национальном политико-юридическом мире, разнородных государственно-правовых институтах, процессах и явлениях, специфические условия формирования и развития.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

специфика российской государственности рассматривается с позиций ее правоментального измерения при использовании методов герменевтического понимания как формы непосредственного проникновения в национально-правовую, политико-институциональную и культурно-историческую сущность исследуемого явления; на основе ретроспективного анализа теоретических источников проблемы национального менталитета (ментальности) выявлена традиция формирования системы концептов, используемых для изучения данного феномена, отображения процесса его становления и изменения. Осуществлена классификация имеющих место в западной политической, правовой и исторической науках концепций и подходов к сущности и особенностям устойчивых и глубинных явлений духовного мира общества;

представлено авторское определение правового менталитета, изучен его онтологический статус, выявлены характерные черты данного явления, особенности соотношения категории «правовой менталитет» с иными понятиями, отражающими духовную (мировоззренческую) сферу национальной правовой реальности, такими как правосознание, правовая культура, юридическое мышление и др.

предложена архитектура правового менталитета, сформулированы его существенные признаки, место и роль правоментальных компонентов и проявлений в политико-институциональном пространстве, виды. Обозначены и проанализированы функции юридического менталитета;

обращение к историческому аспекту проблемы позволило выделить и рассмотреть круг факторов, влияющих на формирование образа национальной государственности, политического мироустройства в контексте эволюции отечественного политико-правового менталитета, определить характерные черты и традиции публично-правовых отношений в России;

в плане социокультурной легитимации институтов российской правовой ментальности показано значение отечественного юридико-политического научного дискурса, ряда значимых концепций прошлого и настоящего для понимания специфики национальной государственности, выявления характерных черт российской институционально-правовой действительности;

- обоснована идея использования метода ментального измерения в современном политико-правовом познании при обращении исследователей к выявлению и изучению оригинальных оснований отечественной государственности, политических структур и институтов, законотворческой и правоприменительной практики на федеральном и региональном уровнях, определению перспектив развития российского политическо-институционального пространства, правового и экономического реформирования, укрепления законности, правопорядка и т.д. Демонстрируются его эвристические возможности;
- разработан ряд предложений по корректировке и уточнению современных проектов модернизации отечественных правовых и политических структур и институтов, основывающихся на выявленных в ходе исследования характеристиках российского правового менталитета.

Таким образом, для развития данных направлений в диссертации предложен оригинальный ракурс исследования сущности различных политико-правовых институтов и структур с выходом на новое измерение цивилизационной и этнокультурной специфики российской государственности, определен вектор дальнейших общетеоретических поисков в этой области.

Положения, выносимые на защиту. Предмет данной диссертационной работы, цель и задачи исследования позволили сформулировать положения, которые и выносятся автором на защиту:

1. Познание индивидуальности отечественной государственности как сложнейшего комплекса структур и институтов публичной власти, а также компонентов неполитического характера, полноты и самодостаточности юридического мира России, их ментально-правовое измерение выдвигает в число приоритетных задачу преодоления прежних методологических позиций, позитивистских установок, связанных с изучением политических процессов и институтов, правовых явлений как этнокультурно- и ценностно-нейтральных, определяемых исключительно столкновением групповых, классовых интересов. Поэтому объясняющая и во многом ориентирующаяся на детерминистские процедуры традиция в государственно-правовом познании должна быть дополнена традицией понимания (постнеклассической), включающей презумпцию

уникальности пространства-времени, социально-политического образа жизни людей;

2. Правовой менталитет - это неотъемлемый, глубинный и устойчивый компонент национальной политико-правовой реальности, значимый аспект ее рассмотрения и критерий оценки возможных перспектив развития. Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (политических институтов и структур, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных, профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц;
3. Анализ макропроцессов отечественного государственно-правового мира в теоретико-методологическом плане выявил явную эвристическую непродуктивность бинарной модели правового менталитета, предполагающей различие сознательных и бессознательных его элементов, выявление которых на самом деле часто зависит от ситуации и глубины рефлексии субъектов. Отход от традиционных (излишне психологизированных) воззрений в пользу рациональности иного типа, выявление социокультурной природы национального политико-правового менталитета предполагает исследование его архитектуры, совокупности взаимопроникающих структур - политико-юридической парадигмы, стиля юридического мышления и социального (правозначимого) взаимодействия субъектов, познавательная (эпистемологическая) ценность которой в данном проблемном поле не вызывает сомнений, позволяет обнаружить сложные феномены общественного сознания, объективируемые в национальных государственно-политических институтах, явлениях, системе политических отношений, отечественном правовом укладе;
4. Правоментальные проявления (установки, аттитюды, представления, образы и т.д.) используются представителями конкретного общества (социальных и профессиональных групп, классов и др.) в качестве основы понимания и оценки российской государственности, организации властных отношений и институтов, правовой

политики, влияют на политическую активность и правовое поведение населения страны. Именно это свойство правовой ментальности, выразившееся в наличии познавательной-преобразовательной, оценочной, прогностической и иных ее функций, и позволяет говорить о возможности ментально-правового измерения отечественных политических и юридических процессов и структур как одном из значимых методов и эвристических ориентиров современного политико-правового познания;

5. Политический порядок, т.е. комплекс условий, влияющих на эффективность и целесообразность функционирования и развития как всей национальной политической системы общества, так и государства - основного ее института - всегда соответствует типу юридической нормативности, отражающему содержание архитектурных структур правовой ментальности, архетипы правосознания и поведения индивидов и их социальных групп и находящему выражение в социально-правовом укладе данной цивилизации;
6. Право как феномен цивилизации концентрирует уровень человеческой рефлексии, представления о самом себе, нормальном образе жизни, «замыренной среде» (М.М. Ковалевский), о путях и возможностях ее достижения. Последние же неотрывны от имеющего место в конкретном обществе социокультурного сценария, в частности, его правоментального среза, который существенным образом определяет характер и особенности формирования национальных политико-правовых институтов и ценностей, устойчивых и прогрессивных только тогда, когда появление их связано с весьма сложными процессами государственно-юридической идентификации социальных фактов. В этой связи реформаторам, законодателям, представителям национальных политических элит и др. следует учитывать, что диффузия властно-государственных и правовых форм в России идет в достаточно насыщенной среде мощного внеюридического регулирования - обычного, нравственно-этического, корпоративно-общинного, религиозного и т.д. Овладение же собственными политическими и юридическими традициями, их включенность в современную правовую политику - значимый фактор стратегии устойчивого развития отечественной государственности в XXIв.;
7. История российской государственности диалектична, это отнюдь не поступательное развитие по прямой. Поэтому, для понимания сущности национального государства, природы правовых и поли-

тических институтов, структур, процессов, естественно сопряженных с этнодуховной эволюцией многонациональной нации - российского народа, - правоментальное измерение является подлинно методологическим, т.к., кроме всего прочего, позволяет соединить политически и юридически противопоставлявшиеся периоды истории страны, установить определенную преемственность между отдельными («разнесенными» во времени) государственными и социально-правовыми институтами и структурами, сохраняющимися и транслирующимися от поколения к поколению на уровне политико-правовой ментальности. Российскую государственность следует рассматривать как целостный (гомогенный) политико-институциональный, культурно-правовой феномен, публично-властную организацию общества, имманентную определенному цивилизационному контексту (правоментальному фонду);

8. Появление феномена отечественного регионального законодательства (в соответствии с ч.4 ст.76 Конституции РФ) в условиях федеративного территориального устройства актуализировало многие проблемы юридической и политической наук. Глубокая общетеоретическая проработка вопросов, связанных с регионализмом в его соотношении с федерализмом, предполагает понимание специфики соотношения столичной и провинциальной политико-правовой ментальности. Последняя, несомненно, является глубинным элементом региональной и местной правовой культуры, возрождение которой в XXIV. должно стать одним из факторов укрепления российской государственности. Игнорирование особенностей последних в таком сложном многонациональном государстве, каким является Россия, кроме всего прочего, по сути означает свертывание процессов политической институционализации, оригинального законодательства на уровне субъектов федерации, подзаконного нормотворчества на местном уровне, требование строить последнее по образу и подобию федерального. Такая правовая политика приведет не к искомому единству системы российского законодательства, а, наоборот, неизбежно вызовет стремление региональных элит (особенно в национальных субъектах) к изолированности региональных политических и правовых систем;
9. Ментально-правовое измерение российской государственности - продукта отечественной политико-правовой традиции, характеризующегося сложной духовной и юридической морфологией, нуж-

дается в адекватном данным эвристическим целям теоретико-методологическом аппарате. Необходимо дополнить традиционные представления о власти как «господстве и подчинении» интеллектуально-технологическим (диспозитивным) подходом М. Фуко, в рамках которого государственная власть понимается как поли-субъектная, подвижная сеть властных отношений, стратегий, практик, имманентных национальному политико-правовому пространству. Государственная власть - это множество разнообразных институциональных и субъектных опор. Публично-правовые отношения - лишь одно из организующих начал социума и, более того, так или иначе зависят от имеющих место в стране и конституирующих власть государства социальных практик. Институциональная кристаллизация последних воплощается в национальном законодательстве, политических структурах и институтах, правовых режимах, правоприменительной практике и т.п.;

10. Представление самобытности российской государственности, институционально-правовых и политических ее элементов через выявление и анализ значимых для национальной политико-юридической жизни социальных практик возможно в рамках широкого культурно-правового подхода, при использовании метода генетической реконструкции. В этом плане для расширения контекста восприятия и интерпретации власти, адекватного понимания сущности и особенностей отечественных властных институтов, структур и отношений, политических процессов необходимо использовать исторический материал. К основополагающим социальным практикам, обуславливающим осуществление, легализацию и легитимацию, связанную с правоментальными ценностями, установками, представлениями народа, государственной власти в России, тех или иных модернизационных проектов в политико-правовой сфере, следует отнести: «бегство» (уход) от государства с обязательным сохранением единой публично-властной организации; «Государство - Земля (народ)» с особыми отношениями по данной оси; «олицетворение» государственной власти (образ «главы государства» в российском правоментальном универсуме); «самозванство» как национальный ментально-правовой феномен; «правообязанность» субъектов властных отношений (отечественная версия организации публичного правового порядка);

11. Фиксация в Конституции РФ принципа разделения властей, системы «сдержек» и «противовесов», как правоограничивающего (получившего наиболее полное осмысление и воплощение в западной политической традиции) в отношении государственной власти средства — лишь закрепление данного положения на уровне публичного дискурса, юридической конституции. Реализация же данной конституционной нормы на российской почве неизбежно сталкивается с ее преломлением в скрытом социально-правовом дискурсе, фактической конституции. Именно движение от публичного дискурса к скрытому, т.е. принадлежащим национальному правоментальному универсуму социальным практикам, позволяет оценить реальные перспективы института разделения властей в стране. Существовавшая веками система «замещающих» друг друга властей, утвердившийся (подтверждаемый, в том числе, и современными социологическими опросами) в сознании большинства россиян образ «настоящей» исполнительной власти, персонификация (на правоментальном уровне) государственной власти в лице «верховного правителя», для которого государственный аппарат только элемент, необходимый для его «управленческой миссии», по сути не предполагает наличия адекватных эффективной реализации данного «заимствования» духовно-культурных оснований. В этом плане отсутствие в ст.10 Конституции РФ положения о единстве государственной власти на фоне закреплённой в ней самостоятельности законодательных, исполнительных и судебных органов принципиально недопустимо;
12. Тенденция к глобальной нивелировке исторических и цивилизационных особенностей отечественного государственно-правового мира, стремление «подвести» его под те или иные политические и идеологические доктрины и формы, в основном европоцентристской сущности, ведут к искажению представлений о многих элементах национальной политической и правовой жизни. Очевидно, что у каждой цивилизации особое восприятие сущности политических и правовых структур и институтов, собственные критерии их оценки; свое понимание природы законов, законности, правопорядка. В этой связи утверждения о якобы «слабом» или «примитивном» российском правосознании, укоренённом правовом нигилизме русского народа, перманентном кризисе властных институтов, законности и отсутствии правопорядка в стране, традиционно высокой

степени криминализации социума следует оценивать не более как «мифы», лишённые всякого социокультурного смысла. Тем более что последние - во многом результат упрощённого, универсалистского подхода, принципиального непонимания подлинных причин имеющих место негативных явлений, именно той (трагичной), далеко зашедшей рассогласованности между ценностно-мотивационной и институциональной сферами, в условиях которой и политико-правовой, и экономический кризисы в обществе неизбежны;

13. В плане соответствия проводимых в современной России реформ их социальным источникам, особенностям жизнеустройства, поиска приоритетов и обеспечения необходимой поддержки сложных процессов политико-правовых изменений в обществе, реального обеспечения прав и свобод россиян в работе утверждается принципиальное неприятие большинством населения страны либеральной идеи «минимального государства», явном отторжении последней на этноментальном уровне. Широко декларируемые в стране планы «ускоренного» и «планируемого» («сверху») создания классического проекта институтов гражданского общества очевидно утопичны. Вообще, в начале XXI в. «вестернизация» и «догоняющая модернизация» как стратегии эволюции российского государственно-правового мира должны быть преодолены. Необходим переход к политико-правовой постмодернизации - развитию на базе собственных правокультурных оснований, сочетающему традиции и органичные национальному юридическому менталитету заимствования. Следует обратить внимание на (альтернативу) общество «соборного» (земского) типа как соответствующую содержанию национальных право-ментальных структур совокупность политико-правовых и экономических отношений, социальную и духовно-нравственную основу постсоветской трансформации политико-правовых институтов и структур без их вестернизации;
14. Отказавшись от политико-правовой идентификации постсоветской российской государственности через западное культурцивилизационное пространство как единственного способа поиска ориентиров дальнейшего развития, вектора отечественного политико-правового реформирования, необходимо системно и скрупулёзно рассмотреть проблему укоренённости нашей современной государственности, правовой системы (значимого компонента последней) в российских ментальных структурах, ценностях, символах,

ритуалах. В этой связи следует обратиться к евразийскому проекту гарантийного государства и рассматривать его в качестве национальной версии, необходимой конкретизации закреплённой в ст.1 Конституции РФ нормы о России как о демократическом правовом государстве;

15. Считая, что традиционно доминирующими для большей части населения России являются коммунитарные ценности, во многом определяющие реальные тенденции и перспективы институционально-правового развития отечественной государственности, необходимо основательно пересмотреть существующие (в той или иной мере проникнутые индивидуализмом, эгоцентризмом) конституционные приоритеты. Последние должны соответствовать обусловленным российским политическим, правовым и социально-экономическим укладом, интересам по своей природе миром повседневной жизни россиян целям и принципам эволюции национальной государственности. Так, приоритетами современной отечественной Конституции, кроме всего прочего, следует считать не только признание в ней прав и свобод человека в качестве высшей ценности (ст.2 Конституции РФ), но прежде всего его достойное существование (ст.7 Конституции РФ), определённый уровень жизни членов общества, гарантируемый государством; социальную солидарность (партнёрство по решению общих дел) и социальную справедливость; закрепление, чёткую фиксацию в Основном законе страны коллективных прав (женщин, инвалидов, пенсионеров, детей и др.) и института коллективного действия.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. В результате проведенного исследования получены выводы, связанные с идеей «встроенности» государства как основного элемента политической системы в национальное институционально-правовое пространство, что, несомненно, является продолжением общетеоретических исследований историко-цивилизационных основ отечественной политико-правовой жизни, следуя современным методологическим подходам с учетом изменившегося за последнее десятилетие геополитического статуса России. Это позволяет утверждать создание определённых заделов в перспективных областях государствоведения и правоведения, формирование теоретико-методологической основы понимания действующих политико-юридических структур и институтов, специфики отечественной правовой политики, определения ее

тенденций и приоритетов. Правоментальное измерение отечественной государственности практически значимо с позиций обеспечения современных реформ, вот уже более десяти лет идущих в различных сферах жизни общества, соответствующей концептуальной, доктринальной базой, приближения их к реальным российским социокультурным условиям. В частности, в плане обоснованности процесса государственно-правовой модернизации с точки зрения устойчивых и глубинных элементов правосознания россиян, национальной правовой культуры, типичных представлений народа о государственной власти, справедливости, законности, порядке, правах и обязанностях и т.д.

Полученные результаты предоставляют политической и законодательной практике данные об особенностях и закономерностях развития отечественного политико-правового уклада, которые, очевидно, не всегда в достаточной мере учитываются в проводимых в стране преобразованиях, их тактике и стратегии, созданных за последнее время юридических и политических институтах, структурах. Содержание диссертационного исследования, многие его положения и выводы найдут применение и при чтении учебных курсов по политологии, общей теории государства и права, истории политических и правовых учений, конституционному праву России, философии и социологии права, а также различных специальных курсов, посвященных соответствующим проблемам, могут использоваться для научной работы со студентами и аспирантами.

Апробация результатов исследования. Основные идеи, результаты, выводы и рекомендации диссертации отражены в двух монографиях и 50 публикациях автора общим объемом 63 п.л.. По содержанию исследования автором сделаны доклады и научные сообщения, представлены тезисы выступлений на научных международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях, среди которых можно выделить «Россия, Восток, Запад: диалог культур» (Хабаровск, 1997); «Вторые Смирновские чтения» (Москва, 1999); «Диалог цивилизаций: Восток-Запад» (Москва, 1999); «Ценности и отчуждение в культурно-цивилизационных процессах» (В. Новгород, 1999); «Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании» (Таганрог, 1999, 2001, 2003); «Проблемы теории и практики социально-экономических, политических, правовых преобразований на рубеже столетий» (Ставрополь, 2000); «Правовая реформа в России: итоги и перспективы» (Москва,

2001); «Третьи Смирновские чтения» (Москва, 2001); «Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений» (Самара, 2001); «История идей как методология гуманитарных исследований» (Санкт-Петербург, 2001); VII Internationaler Leibniz-Kongress (Berlin, 2001); «Философия права в условиях глобализации» (Ростов-на-Дону, 2002); «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (Санкт-Петербург, 2002); «Проблемы правового образования в контексте модернизации общего образования» (Москва, 2002); «Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России» (Санкт-Петербург, 2003); «Современная философия науки: состояние и перспективы развития» (Москва, 2003); «Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития» (Сочи, 2003); «Третьи Новгородцевские чтения. Идея правового государства: история и современность» (Украина, Луганск, 2003); «10 лет Конституции России в зеркале юридической науки и практики» (Москва, 2003); «Политическое и правовое взаимодействие» (Ростов-на-Дону — Таганрог, 2004).

Полученные в ходе исследования теоретические положения были изложены в авторской монографии «Национальный правовой менталитет. Введение в проблему» (Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. - 12,5 п.л.), коллективной монографии «Государственная власть. Введение в общую теорию» (Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. - 19/7,5 п.л.), а также в коллективном учебнике «Теория государства и права» (Ростов н/Д: Изд-во МарТ, 2003. - 54/15,3 п.л.).

Результаты исследования апробировались в учебном процессе на кафедре теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики, на кафедре философии Таганрогского государственного педагогического института в учебных курсах «Теория государства и права», «Политология», «История политических и правовых учений», «Философия права», «Социология права», «Правоведение» и при работе с аспирантами, обучающимися по специальности 12.00.01 и 12.00.02, а также способствовали внесению существенных корректив в методику преподавания автором данных предметов.

Содержание диссертации апробировалось на заседаниях кафедры теории и истории государства и права ТИУиЭ и кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного университета. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на

кафедре государственно-правовых и философско-политических дисциплин Ростовского юридического института МВД России.

Структура диссертации. Поставленная проблема, объект, предмет и цели исследования предопределили логику и структуру данной работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения и списка литературы, насчитывающего 394 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и выбор темы исследования, определяется степень ее разработанности, ставятся цели и задачи, излагаются методы исследования, отмечается научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, дается оценка научно-теоретического и практического значения диссертации, приводятся сведения об апробации ее результатов.

Первая глава «Ментальность как политико-правовой феномен (теоретико-методологический анализ)» посвящена методологическому аспекту исследования феномена менталитета, анализу основных, имеющих место в зарубежном и отечественном политическом, юридическом, историческом и социально-психологическом познании подходов к его теоретическому рассмотрению, определению понятия, выявлению признаков и функций юридической ментальности.

В первом параграфе **«Понятие менталитета, его сущностные признаки»** прослеживается развитие научных представлений о природе, специфике и эвристической значимости категории «менталитет» в осмыслении различных социально-исторических процессов и явлений. Автор показывает, что создание концепции менталитета, определение его видов и уровней, развитие адекватного категориального аппарата исследования данного феномена невозможно без комплексного, общегуманитарного дискурса, единого проблемного пространства, в рамках которого объединятся такие научные направления как социальная философия, общая теория государства и права, политология, социология, историческая психология, культурология и другие отрасли знания, в поле зрения которых в той или иной мере находится национальная культура, общественное и индивидуальное самосознание, различные государственно-правовые и цивилизационные феномены. Обосновывается необходимость вовлечения в изучение скрытых,

далеко не всегда вербализируемых, устойчивых, но всегда ощутимых элементов духовной жизни социума понятия «менталитет» («ментальность»). Представители историко-психологического и культур-антропологического направлений конца XIX - начала XXв. обратили внимание своих коллег на тот пласт сознания, который в силу своей слабой отрефлектированности постоянно ускользал из поля зрения гуманитариев. По их мнению, понятие «менталитет» означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций. Менталитет связан с основаниями духовной жизни и в то же время не может быть сведен к ним, т.к. всегда своеобразен исторически и социально, имеет свою историю. Автор отмечает, что в юридической, исторической, политической и иных отраслях социально-гуманитарного знания уже к началу XXв. скопилось большое количество проблем, имеющих практическую значимость и связанных с исследованием национального менталитета не только с точки зрения метатеории, но и с позиции различных социальных (правовых, политических и др.) практик. Поэтому имеющие место подходы, носящие часто лишь созерцательный, интуитивный (либо излишне поэтизированный или мистифицированный) характер и ориентирующиеся на неявные, контекстуальные определения менталитета, должны быть пересмотрены в пользу строгих и научно-обоснованных конструкций, в контексте которых в работе и характеризуется национальный менталитет. В качестве последних в диссертационном исследовании выделяется системно-структурный подход как более адекватный современным познавательным задачам и эвристическим ориентирам, предполагающий моделирование изучаемых объектов.

Таким образом, ориентируясь на явные дефиниции, следует понимать менталитет в качестве исторически сложившейся и устойчивой матрицы типизации поведения, схемы смыслопостроения, позволяющей представителям определенного социума и/или типа цивилизации относительно единообразно воспринимать и оценивать окружающую действительность, действовать в ней в соответствии с определенными, сложившимися в обществе установками и стереотипами, «понимая» друг друга и тем самым сохраняя стабильность и целостность национального (цивилизационного) пространства.

Среди существенных признаков менталитета выделяются и анализируются следующие: бинарность; консервативный, устойчивый и статичный характер; историчность, типичность представлений, реагирования, оценивания, нормативная природа, национально-культурное своеобразие.

В ходе рассмотрения системно-структурного подхода к менталитету предлагается рассматривать его как трехуровневую систему, включающую мегауровень, макроуровень и микроуровень. Однако отмечается, что в плане заявленной темы интерес, конечно же, представляет макроуровень общей ментальной конструкции - коллективный (в частности, национальный) менталитет. Именно на данном уровне целесообразно выделять совокупность (первопорядковых) ментальных (в том числе и правоментальных) проявлений: символы, ритуалы, ценности и др. и имеющую место в рамках любого национального государства систему «стандартизирующих» ментальность институтов (национальная политическая и правовая система, средства массовой информации, национальный рынок и др.).

Во втором параграфе **«Специфика и функции правового менталитета»** предлагается авторская концепция правового менталитета. Проблематика диссертационного исследования перемещается в правовое и политическое пространство, конкретизируется в вопросах о феномене и специфике национальной юридической (политико-правовой) ментальности, исторических традициях, перспективах развития российской правовой системы, естественным образом сопряженной с отечественной государственностью и типом цивилизации. Исследуется понятийный ряд, прослеживаются логико-семантические отношения между рядом близких по смыслу и значению категорий: «национальный характер», «правовой менталитет», «правовая ментальность», «правовая культура», «правосознание» и др.

Отмечается, что традиционно российское правоведение в вопросах, связанных с человеческим «элементом» правовой системы, пользуется категорией «правосознание». Однако данное понятие в отечественной (советской) юридической науке получило в целом довольно позитивистскую интерпретацию, в традициях которой оно видится как совокупность чувств, настроений, теорий, представлений, взглядов и т.п., в которых выражено отношение людей к действующему праву, к вновь создаваемым юридическим нормам. Все это сводит правосознание к позитивному психологическому процессу и, в

конечном счете, к проблеме отражения реально существующих правил. Такая трактовка не может вести к обнаружению собственного культурного смысла правосознания и правовой культуры, так как этот смысл гораздо глубже чисто отражательного процесса, он сложен (часто вообще имеет непсихологическую природу) и поэтому должен рассматриваться сразу в нескольких плоскостях (исторической, национальной, цивилизационной и др.); не может быть сведен к субъект-объектным отношениям рефлекторного характера.

Кроме этого, обращается внимание и на то, что юристы, историки, философы, исследующие истоки современного правосознания и правовой культуры россиян, достаточно часто отождествляют категории правосознания и законосознания, да и само право рассматривают исключительно с позиций западноевропейского правопонимания, исключительно в рамках рациональных эпистемологических конструкций. В целом же правовой менталитет как наиболее глубокий и весьма устойчивый уровень отражения имеющих место в конкретном социуме, этносе или типе цивилизации правовых феноменов, реалий юридической деятельности является основой формирования национального правового сознания, определяет неповторимый колорит и специфику содержания последнего, характер его проявлений. Между этими явлениями, принадлежащими социоправовому миру определенного народа, обнаруживается органическое единство и взаимосвязь. Причем современные немарксистские подходы к пониманию правосознания (как и его более крупной социальной формы — правовой культуры) часто коррелируют с дореволюционной («серебряный век») отечественной традицией, так как именно в рамках последней в правосознание обычно включались не только «знание» и «мышление», но также воображение, переживания, чувства, воля, «человеческая душа». В этом плане в диссертационном исследовании обосновывается необходимость дополнения категориального аппарата правоведения, политической науки понятием, которое позволило бы выявить и вовлечь в исследование правовых и политических институтов, процессов, явлений глубокий пласт правовой духовности, отобразить сложную морфологию общественного и индивидуального сознания в национальной политико-юридической реальности.

Анализируется соотношение категорий «правовой менталитет» и «правовая ментальность». Представляя различные подходы, автор, тем не менее, утверждает первичность, основополагающий характер

понятия «правовой менталитет» и вторичность, производность термина «правовая ментальность». «Правовой менталитет» - это результат ряда научных обобщений более высокого уровня, «правоментальность» же представляет собой некоторую диалектическую конкретизацию, результат хорошо известного в методологии гуманитарных исследований движения от абстрактного к конкретному, от сущности к явлению, т.е. всегда соотнесена с вполне реальным коллективным или индивидуальным носителем в качестве одного из его идентификационных признаков, находит свое воплощение в тех или иных его юридически значимых поведенческих актах, реакциях, установках и т.п.

Отказываясь от методологической абсолютизации двухуровневой структуры правового менталитета (выделения сознательных и бессознательных его элементов), рассматривая последний в качестве живого синкретического образования, особым образом объединяющего часто противоречащие друг другу сознательные, подсознательные и бессознательные элементы в сфере политико-правовой повседневности, исходя из предмета и задач диссертационной работы автор акцентирует внимание на следующей дефиниции. Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (политических институтов, процессов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц. Наличие же познавательно-преобразовательной, праворегулятивной, интеграционной, оценочной, кумулятивно-охранительной и трансляционной, социализирующей, прогностической функций позволяет ставить вопрос о ментальном измерении политической системы как об одном из методов юридического (политического) познания, включать его в методологический арсенал современной правовой и политической науки. Именно в данном контексте анализируется проблема эффективности реализации правовых норм как одна из центральных проблем отечественной юридической науки на рубеже веков, когда опасный симптом российской правовой реальности - «пробуксовывание» или полное бездействие закона - не только возник, но и начал все более и более ощущаться в обществе. В свете современной плюрализа-

ции научного мышления обращение к ментальному измерению национальной государственно-правовой, политико-институциональной действительности позволяет выделить и адекватно оценить (с целью их дальнейшего устранения) наиболее ощутимые для современного законореализующего процесса негативные явления, понять значимость этнокультурных факторов в плане определения стратегии правовой политики постсоветского государства.

Во второй главе «Правоментальное измерение национальных и политических процессов» в общеметодологическом плане политические и этнонациональные процессы рассматриваются в контексте основных архитектурных структур правового менталитета. Обосновывается авторская точка зрения, согласно которой проблема развития и функционирования национальных политических институтов и структур, решаемая в плоскости правоментального измерения, - это, очевидно, проблема рефлексии, мышления и деятельности субъектов различных политических процессов. Для ее решения первичный, глубинный слой национального юридическо-государственного пространства предлагается развернуть до основных (архитектурных) правоментальных структур: «политико-правовой парадигмы», «юридического мышления» и традиционного для конкретной общности «кодекса (правозначимого) поведения».

В первом параграфе **«Политико-правовые институты в контексте антиномичной ментальной парадигмальности»** диссертант обосновывает необходимость преодоления разного рода детерминистских установок в объяснении феномена национальной государственности, политических и правовых институтов подведение их под некие «всеобщие» и «универсальные» законы развития, аргументирует эвристическую значимость перехода на позиции герменевтического понимания индивидуальности политической традиции через непосредственное проникновение в сущность социально-правового уклада - это в методологическом плане необходимые смыслообразующие моменты магистрального для современного политико-правового познания процесса культурной идентификации национальных и политических процессов и институтов. В этом плане выделяется политико-правовая парадигма, являющаяся ядром, сердцевинной юридического менталитета, образует исходный уровень других его компонентов, схватывает, фиксирует характер отношений личности, права и государства, а следовательно, определяет специфику политической и правовой жизни, имманентных им политико-правовых институтов, структур, процессов,

имеющих место в рамках того или иного типа цивилизации или этноса. Автор полагает, что юридико-политическая парадигма в первую очередь раскрывается через аксиомы политического и правового сознания, т.е. значимые идейно-эмоциональные образования и установки, которые в данное время всеми (или, по крайней мере, большинством) представителями данной общности признаются конкретным воплощением справедливости и порядка в национальной правовой и политической сферах, поскольку не подвергаются сомнению в силу своей *очевидности* или/и привычности, не требуют какого-либо дополнительного обоснования и определяют политико-правовые предпочтения общества. При этом важно отметить полифункциональную природу политико-правовых аксиом, т.е. присутствие их во всех ментальных структурах и выполнение одновременно, по крайней мере, трех функций: они являются средством «монтажа» правовой и политической картины (национального) мира, выполняют функцию опорных элементов познавательно-оценочной деятельности в политико-правовой сфере, служат фундаментальными основами социальных норм и правил поведения (сопряжены с существующими правовыми обычаями и деловыми обыкновениями, политическими традициями и ритуалами и др.). Таким образом, природа политических институтов (государства, партий, суда и др.) определяется этими глубинными, парадигмальными по своей сути правоментальными компонентами.

Однако политико-правовая парадигма как сложная, комплексная реальность, очевидно, не исчерпывается набором правовых аксиом. Ее динамическая природа неизбежно включает антиномию традиций и инноваций, представляющих собой универсальную оппозицию, характерную в той или иной мере любой (даже самой консервативной) политической действительности, тем более что именно включенность данной бинарной конструкции в ткань национальной политической и правовой системы предотвращает опасную болезнь юридико-государственной стагнации. Например, в современной России столкновение традиций и инноваций в последние годы явно выражено в поисках новых форм и институтов судопроизводства (введение института мировых судей, третейских судов т.д.).

Автор подчеркивает, что в плане осмысления национальных и политических институтов, структур, процессов прошлого и настоящего, а также проблем этнополитической конфликтологии политико-правовые традиции и инновации требуют гораздо больших исследовательских усилий, определенной методологической гибкости,

явно выходящей за рамки привычных суждений об их практической роли, полезности и целесообразности. При изучении подобных вопросов явно не обойтись без «отсылки» к субъективному фактору - профессиональному менталитету как так называемых консерваторов, традиционалистов так и сторонников разнообразных идей обновления.

Вообще изучение традиционных и «заёмных» элементов политико-правовой парадигмы выводит на рассмотрение еще одного архитектурного элемента национальной ментальности - антропологической модели как весьма специфической, чаще всего незаметной, «теряющейся» в «процедурности» и казуистике политической и юридической практик основы действующего или действовавшего ранее законодательства, институтов судопроизводства, работы пенитенциарных учреждений и иных явлений национальной правовой и политической жизни. Именно обращение к исследованию антропологической модели конкретного общества позволяет некоторым современным авторам проанализировать возможность увеличения количества способов разрешения правовых и политических конфликтов в рамках имеющей место политико-правовой парадигмы. Так, многоплановое исследование Х. Зера убедительно демонстрирует корреляцию изменений парадигмальных антропологических образов (символов, установок) и типов правосудия в западной цивилизации. Эволюция судопроизводства от его античных и средневековых (инквизиционных) форм до современной организации все же не выходит (не может выйти!) за рамки «карательного правосудия» (термин Х. Зера), поэтому автор формулирует иной образец правосудия, который называет «восстановительным правосудием», считая последнее не только адекватным характеру, специфике новоевропейской правовой и политической рефлексии, но и тесным образом сопряженным с принятой в западной цивилизации концепцией *свободы* (английской, французской и др.). Напротив, в России, где в принципе не сформировалось «примиренческое» или «согласительное» правосудие, но зато невероятно укрепилось государственное судопроизводство - правосудие вертикальное, построенное на строгой иерархии, принудительное и карательное - «вычитывание» как общего (национального) ментального фонда, так и политико-правовых пристрастий и «готовностей» отдельных социальных и профессиональных групп и слоев может дать ключ не только к всевозможным ретроспективным уяснениям различных событий (например, к объяснению специфики протекания тех или иных локальных и глобальных юридико-государственных процессов и событий, удач и неудач национальных реформ и т.п.), но и позволит

сделать объектом ментального измерения мыследеятельность современных субъектов политики и права.

Во втором параграфе **«Юридическое мышление как особая правоментальная форма национальной государственности»** рассматривается сопряженный с господствующей политико-правовой парадигмой структурный компонент правовой ментальности - юридическое мышление. Причем в работе отмечено, что архитектурным компонентом национального правового менталитета является не само юридическое мышление как способ (способность) создания системы логических по природе и юридических по содержанию и функциям категорий, форм и иных результатов аналитической деятельности (например, приемов или процедур познания в сфере права, политики т.п.), а прежде всего его неповторимый стиль, манера мышления индивидов в государственно-юридической плоскости общественных отношений, когда различные мыслительные структуры политико-правовой науки и практики особым образом встраиваются в совокупность исторически сложившихся в определенном социуме образов, представлений и ориентации, преломляются в контексте реалий национального институционально-правового развития. Следует согласиться и с позицией ряда отечественных и зарубежных авторов, считающих, что правовой менталитет определяет интенциональность правового мышления. Фактически именно способ (стиль) юридического мышления определяет границы государственно-правовой рефлексии, предел осознания и оценки основ собственного политико-правового мира, присущей ему совокупности политических и юридических (национальных) структур процессов и институтов. Так или иначе, но юридическое мышление всегда оказывается теснейшим образом связанным с типом (генотипом) цивилизации, особой логикой мыследеятельности определенных субъектов политики и права. Правовое мышление как относительно самостоятельный и наиболее рационализированный компонент национального правового менталитета аккумулирует весь предшествующий социально-юридический и политический опыт, сохраняя и институционализируя его в политической и правовой практике, профессиональном образовании и т.д.

Исследуя юридическое мышление в качестве особой правоментальной формы национальной государственности, конкретного правового и политико-институционального пространства, автор выделяет три важных этапа: предпосылки, происхождение и развитие. В частности, к предпосылкам собственно юридического мышления в России можно

отности комплекс славянских предправовых символов (мифов, ритуалов, сакральных текстов, различных метафоризаций и т.п.), формирование первых политических институтов, правовых норм, а также появление различных форм коллективного и индивидуального сознания субъектов различных национальных политических процессов. В свою очередь эволюцию правил и принципов оценочно-познавательной деятельности, присущих западному стилю мышления в области права и политики, определяет сложившаяся в европейской цивилизации, начиная с античности, и постоянно совершенствующаяся практика договорных политических и правовых отношений, когда даже западный вассалитет имел контрактную природу и выступал одновременно и как внешне выраженное юридическое отношение, и как базовый политический институт средневекового общества, фиксирующий взаимные права и обязанности сюзерена и вассала, т.е. моральный принцип преданности формализовался, институционализировался, облекался в договорную форму, приобретал ригористически-деонтическое прочтение. При становлении подобных взаимоотношений неизбежно возникает и соответствующая схема разрешения споров между сторонами договоров: конфликты между вассалами и сюзеренами (по договору) подлежали судебному рассмотрению, что и стимулирует процессы, связанные с трансформацией западноевропейских судебных институтов. Некоторые авторы обнаруживают и более тесную связь между стилем правового мышления и развитием правосудия. Например, Л. Брюншвик указывает на неразрывную связь между дедукцией и правом³ в частности, «открытием силлогизма» и созданием суда присяжных во Франции³. Отечественные исследователи (А.М. Величко, В.Н. Синюков, О.Г. Усенко и др.) обосновывают взаимосвязь «архаико-традиционного» стиля национального правового мышления, с присущим ему правилам и принципам оценочно-познавательной деятельности, представлениями об истине и соответствующей «патриархально-семейной» лексикой с характером • и • спецификой российских (патерналистских) властных институтов, структур и отношений.

Третий параграф «Этнонациональная институционализация правоментальной субъектности» посвящен изучению правозначимых установлений (активностей), т.е. типичных для какой-либо общности, национальной государственности индивидуальных или коллективных поведенческих реакций в определенной ситуации, проявляющихся как в неполитической, повседневно-бытовой сфере, так и в

³ *Brunschwig L* Les etapes de la philosophie mathematique. Paris, 1947. P. 78.

политической интеракции - взаимодействии политических субъектов между собой и с институтами власти, опосредованном парадигмальными элементами правовой ментальности и стилем правового мышления, выражающимися в первопорядковых ментальных проявлениях (ценностях, символах, установках, стереотипах и др.).

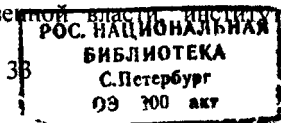
Политико-правовое пространство органично включено в общий нормативный континуум социума, где наряду с ним «действуют» обычаи, традиции, этические и религиозные системы, те или иные бытовые установления и привычки и т.п. Все они при своеобразии их ролей в общем регулятивном пространстве, на разных уровнях (профессиональном, обыденно-практическом и др.) решают одну и ту же важнейшую задачу по поддержанию национальной государственности в равновесно-динамичном, жизнеспособном состоянии. Автор обосновывает тезис о том, что в реальном социорегулятивном поле политический и правовой порядок достигается через выделение и фиксацию общепринятой системы социальных ролей, допустимых и обязательных видов и форм поведения индивидов, деятельности определенных категорий населения. Социоповеденческий «кодекс» никем (специально) не создается и никуда не исчезает, он достаточно медленно эволюционирует, но на разных этапах и стадиях определяет «поведенческое лицо» нации. Каноны этого внеюридического, но тесно с правом связанного «кодекса» всегда отражают как обыденные представления, так и в той или иной мере принятые обществом научные идеи об упорядоченных, гармоничных общественных отношениях, устройстве, функциях и направлении развития общества, государства и права.

Особое внимание в этой части работы обращается на процесс ментальной аккомодации национальной системы права. Неформальные запреты конкретных видов поведения, действие которых обеспечено осуждением большинства населения любых вариантов отклонений от данных предписаний, социальные нормы, побуждающие людей действовать (или бездействовать) в политическом пространстве определенным образом, далеко не всегда коррелируют с существующими юридическими предписаниями, и наоборот, требование соблюдения запрещающих норм или исполнения предписывающих теми или иными нормативно-правовыми актами обязанностей может быть «неуслышано» носителями определенного политико-правового менталитета. Поэтому и в практическом, и в теоретическом плане важно в полной мере осознавать, что сфера типичных «активностей»

субъектов представляет собой интенциональную составляющую национальной правовой и политической ментальности, по природе своей неразрывно связанной со сформировавшейся в рамках того или иного общества иерархией потребностей (предпочтений). Кроме формирования структуры потребностей, национальная правовая ментальность во многом определяет и способы их удовлетворения. Например, отдельные культуры вообще отрицают насилие, в других положительно оцениваются одни аспекты насилия (например, самозащита) и отрицательно - иные (агрессия).

Параграф завершается анализом специфики политико-правовой социализации индивидов в мультикультурных государствах (на примере мигрантов). Кроме этого, автор обращается к современным политико-правовым антропологическим исследованиям, выявляет особенности репрезентации, преломления тотальности жизненного (поведенческого) уклада в процессах возникновения (в западноевропейской и отечественной традиции) политических институтов и структур. Например, учреждение института присяжных заседателей в средневековой Англии - это во многом результат институционализации общих компонентов национального кодекса правозначимого поведения (социальных ролей, допустимых вариантов активности, реакций и т.д.) и характерных для Англии того времени стиля правового мышления, представлений о свободе, аксиом политического и правового сознания и др. Это и объясняет, почему суд присяжных появился именно в этой стране и то значение, которое он сохранил в английской судебной системе до наших дней. Правоментальный фонд российской государственности существенным образом отличался и не предполагал подобного рода трансформацию привычных образцов правосудия (можно хотя бы вспомнить первую попытку создания независимого, отделенного от администрации суда в эпоху Петра I, когда заимствованные из Прибалтики образцы ландрихтеров (судей земель) так и не прижились в России).

В четвертом параграфе «**Типологизация политико-правовой ментальности**» рассматриваются первопорядковые проявления политико-правовой ментальности как наиболее значимые элементы метода ментального измерения политических институтов и процессов в контексте национальной государственности: правовые установки, attitudes, ценности, символы, ритуалы и т.д. (оставляя в стороне ментальные проявления второго порядка, а именно: специфику организации и деятельности органов государственной власти, институтов местного

самоуправления, содержания нормативно-правовых актов, особенности юридической практики т.п.). Автор приводит аргументы в пользу того, что для адекватного понимания природы отечественной политико-правовой сферы, различных государственно-юридических метаморфоз следует обратить пристальное внимание на непозитивные, ценностно-символические феномены как наиболее сложные и недостаточно разрабатанные в современной правовой и политической науках формы политико-правового мировосприятия, тем более что любое, так называемое «чистое» (выведенное за рамки ментального поля) рассмотрение национальной правовой действительности, политической организации общества, не учитывающее специфики и характера внешних, явленных форм юридической ментальности, стремящееся к каким-либо суждениям, лишенным «привязки» к константам истории права и государства конкретного народа, его самобытному правопониманию будет весьма легковесным и недопустимо поверхностным.

Далее в параграфе анализируется сущность и значение правоментальных установок, ценностей, символов и ритуалов. Особое внимание уделяется особенностям судебного ритуала, выявляется его роль в плане модернизации институтов судебной власти. Показывается значение и специфика последних в политической и правовой институционализации, уголовном и гражданском процессах и т.д., прослеживается органическая взаимосвязь ценностно-установочных и символически-ритуальных проявлений политико-правового менталитета в пространстве национальной государственности.

Особый акцент сделан на исследование различных подходов к проблеме классификации политико-правовой ментальности. Дело в том, что, по мнению автора, именно на уровне изучения основных правоментальных проявлений, индицирующих специфику политической и правовой жизни стран, народов, эпох следует остановиться на изучении вопроса типологии. Так, применение цивилизационного критерия позволяет выделить такие типы политико-правового менталитета, как англо-саксонский и романо-германский, мусульманский и дальневосточный, обычно-традиционный (африканский), славянский и др. С позиций формационного критерия типы политико-правового менталитета соответствуют выделяемым «историческим типам государства и права» (рабовладельческому, феодальному, буржуазному, социалистическому), а виды (при желании) можно увидеть в более дробном делении - ранне-феодальный правовой менталитет или

юридическая ментальность капитализма «свободной конкуренции» и т.д. Учитывая же, что каждый правоментальный тип, естественно, несет в себе индивидуальный интеллектуально-духовный и деятельностный потенциал, т.е. принадлежащие к нему народ, нация и иные общности и группы обладают определенной восприимчивостью к тому или иному типу идеологий, политических требований и т.д., следует признать, что становление политических институтов и структур, их трансформация в его рамках происходят различным образом. В этом плане в работе представлен и значимый для осмысления феномена отечественной государственности анализ столичной и провинциальной ментальности в России, исследована проблема правокультурных оснований регионального законодательства.

В третьей главе «Российский национально-государственный правоментальный тип» рассматриваются историко-правовые, этнокультурные, духовно-нравственные и научно-теоретические аспекты отечественной государственности, обнаруживающие единство и взаимосвязь в контексте правоментальной самобытности политико-институционального, социально-экономического развития России.

В первом параграфе **«Генезис и особенности российской правоментальности»** анализируется правовое и политическое мировидение народа на фоне многообразия значимых для него событий и процессов истории российской государственности, устанавливается корреляция эволюции отечественных политических структур и институтов, правовой системы и развития содержания смыслозначимых компонентов национального правового менталитета. Автор отмечает, что история юридического и политического менталитета общества - это прежде всего история духовных истоков российской государственности, «дорог», по которым мы пришли туда, где сейчас находимся. В этом плане национальный политико-правовой менталитет не может оцениваться с позиций «развитости» или «неразвитости», отсталости (хотя подобные позиции свойственны европоцентристскому мировидению). Более того, политико-правовой менталитет - всегда «двуликий Янус», который не только «участвует» в формировании многочисленных политических институтов, определяет характер политических процессов, специфику типичных этнополитических конфликтов и способов их разрешения, выступая как некое порождающее коллективное начало, трудноопределимый исток культурно-исторической динамики общества,

но и в свою очередь формируется в зависимости от традиций, религии и социально-политической среды «обитания» определенной нации.

Приводятся аргументы в пользу того, что никакой государственно-правовой режим, в том числе и демократия, не может возникнуть на «пустом месте», по желанию национальных элит или отдельных (пусть даже самых выдающихся) государственных деятелей, но всегда оказывается зависимым от скрытых, глубинных и устоявшихся социально-нравственных качеств, духовных основ мировоззрения народа. На материале, знаковых фрагментах истории отечественного политико-институционального и правового пространства (начиная с древних славян) автор обосновывает очевидную ошибочность, заведомую пристрастность мнения многих современных западников, утверждающих, что в России якобы традиционно «утрачен» правосознательный и право достойный субъект, что он «потерян» в лабиринтах генезиса российской государственности, полагая наличие в отечественном правоментальном пространстве собственного правопонимания, основанного на выработанном веками этнокультурном смысле права и привычных формах властно-политической организации общества.

В результате историко-культурного и социоправового анализа автор соглашается с теми исследователями, которые утверждают то, что генезис отечественных политических и правовых структур и институтов обнаруживает наличие как общих, так и самобытных черт. Однако только в самом унифицированном, максимально отвлеченном от какой-либо конкретики дискурсе можно предположить, что становление и развитие российской политико-правовой жизни, в частности ее институциональной сферы, происходило исключительно по неким общим, раз и навсегда сформулированным кем-то законам. Очевидно, что глубинные истоки представлений о правильном, справедливом, нормальном лежат еще в мифологии, в которой тот или иной этнос осознает окружающую природную и социальную действительность, самого себя, свое происхождение, нормы и обычаи своей жизни. В этой связи диссертант обращается к изучению влияния древнеславянских мифологических (предправовых и предполитических) образов и установок на последующее формирование и трансформацию традиционных российских государственно-политических и правовых структур и институтов.

Рассмотрение исторического аспекта проблемы позволило соискателю сделать вывод о том, что российский юридический и поли-

тический менталитет уже на разных стадиях развития отечественной государственности достаточно эффективно выполнял свои основные функции, а именно: обеспечивал быстрое самовоспроизводство разрушаемых в результате тех или иных национальных кризисов органичных духовной специфики страны политических институтов и правовых основ. Российское государство как достаточно самобытная правовая организация публичной власти так или иначе, но все-таки сохраняла самостоятельную духовную сущность, собственную социально-регулятивную специфику, на самом деле было весьма устойчивым (но не изолированным) к разного рода ассимиляциям и влияниям, попыткам проникновения «чужеродных» идей, ценностей и институтов как западного, так и восточного происхождения. Автор предлагает оценивать многие национальные политические процессы с позиций методологии понимания их особой правоментальной природы, значения в плане естественной эволюции и прогресса российского социума при условии сохранения принятого во всех его сферах (политический, юридической, религиозной, повседневно-бытовой) жизненного уклада.

Завершается параграф рассмотрением (в рамках историко-правового дискурса) специфики политических конфликтов в отечественном этноментальном пространстве (вызванные разными причинами: реформами, революциями, неудачными войнами, отдельными непродуманными действиями представителей власти и т.п.), выявляется роль нравственных убеждений и формально-юридических гарантий при их разрешении (для чего автор и обращается к философско-правовому и политологическому наследию славянофилов и евразийцев). Кроме этого, предлагается анализ соотношения национальных политических и религиозных институтов, исследуется взаимосвязь развития российских властных структур и проблемы собственности, вскрываются особенности политико-правовой культуры крестьянской общины, значение такого социального института в плане становления и трансформации отечественной государственно-правовой действительности.

Во втором параграфе **«Социокультурная легитимация институтов российской юридической ментальности»** прослеживается филиация отечественных политических и правовых идей как доктринальных, интеллектуально-духовных элементов национальной государственности. Автор утверждает, что понять и оценить оригинальность собственных философско-правовых и политологических исканий - значит овладеть особой логикой организации отечественного дискур-

сивного пространства в области права и государства, истолковать конституирующие национальную политико-институциональную действительность принципы, «погрузить» различные теории в правоментальный контекст. В этом смысле особую роль может сыграть синергетическое видение проблем, в рамках которого ключевой доминантой всех национальных политико-правовых концепций и представлений является тема мироупорядочения. Отмечается, что российская политическая и юридическая мысль не способна быть безучастной к значимым в истории страны политическим процессам, занимать позицию «ментальной внаходимости», так или иначе она отражает специфику установившихся государственных традиций, структур и институтов. С другой стороны, выступает одним из источников генезиса политического и правового менталитета, поэтому должна быть использована для понимания содержания его основных компонентов и специфики проявлений.

Автор обращает внимание на то, что самобытность различных отечественных политико-правовых доктрин, подходов и оценок «задана» религиозными архетипами (в России в первую очередь православием), соответствующими ментально-антропологическими, парадигмальными представлениями исследователей, их «жизненным миром», естественно, сопряженными с общим (национальным) правоментальным фондом, а также преследуемыми ими политическими целями и интересами, разделяемой идеологией и т.д. Тем не менее, диссертант полагает, что адепты «великих письменных текстов» являются носителями одноуровневых или, по крайней мере, сходных с «молчаливым большинством» (термин А.Я. Гуревича) соотечественников правовых и политических ценностей и мировоззренческих установок.

Далее в работе представлен такой основополагающий феномен российской политико-правовой действительности, как «правдоискательство», связанный со стремлением найти необходимое религиозно-нравственное оправдание, особым образом легитимировать имеющие место национальные политические институты и структуры, позитивное право. В этом плане диссертант анализирует позиции отечественных мыслителей (от Илариона и далее), причем у представителей различных философско-правовых направлений (либеральных, консервативных, западнических и славянофильских, ортодоксально-монархических и социал-демократических и др.) обнаруживает явные «точки соприкосновения», схожие идеи и выводы. Особый акцент делается на проблеме принципиальной невостребованности населением страны (в

большинстве своем) либеральных (эгоцентристских) государственно-правовых доктрин как характерную черту отечественного политико-правового дискурса.

Напротив, российское (традиционное) общество демонстрирует особую восприимчивость к политическим и юридическим идеалам соборности, «исповедует» культуру единения. Последние же, очевидно, органичны общинной правовой ментальности, привычным социальным связям, традиционным формам управления и самоуправления. Изучение отечественных политико-правовых доктрин XIX-начала XXв. позволяет сделать вывод о явном преобладании крайних взглядов: ретроградно-консервирующего (этатически-патриархального) и радикально-анархистского. Подобную ситуацию автор диссертации связывает с петровской и послепетровской вестернизацией страны, в ходе которой исследования национальных политических и правовых институтов, структур, процессов приобрели исключительно рационалистически-позитивистскую ориентацию, практически утратив интерес к постижению национально-культурных (духовно-жизненных) основ отечественной государственно-правовой жизни, причем эти же процессы наблюдаются и в государственном строительстве этого периода (от реформ М.М. Сперанского, Александра II и далее). Именно с этих позиций в работе рассматриваются советский и постсоветский периоды в развитии политико-правовой мысли, представлений о характере, специфике и возможных перспективах институционально-политической и юридической сфер российской государственности, утверждается, что будущее российской государственности во многом зависит от способности нашей научной рефлексии к освоению духовного смысла национальной политики и права.

В четвертой главе «Российская государственность в политико-правовом ментальном универсуме: проблемы национальной идентификации», опираясь на достигнутые в работе теоретико-методологические выводы относительно природы и функций правового менталитета, специфики отечественного политико-институционального пространства, автор показывает принципиальную необходимость дополнения и частичного пересмотра имеющихся в современной науке методов познания национально-культурных оснований российской государственности, теоретическую и практическую целесообразность расширения контекста восприятия и интерпретации национальных политических структур, процессов и институтов.

Первый параграф «Правоментальные критерии политической трансформации российской государственности», посвящен изучению особенностей и способов постижения артикуляции правовых и государственных форм и институтов, разновекторных политических процессов в конкретном национальном пространстве, выявлению правоментальных критериев политической трансформации российской государственности.

Автор обращает внимание на то, что сложности и драматизм современного переходного периода, эпохи модернизации, демонтажа всей государственно-правовой системы неизбежно ставят проблему адаптации властных институтов, политико-правовых процессов и структур к реалиям жизни народов, населяющих Россию, «нашему умственному строю». Поэтому и на доктринальном уровне уже более чем назрела потребность в изучении тонких социальных источников и механизмов осуществления государственной политики, деятельности общественных организаций, функционирования самоуправления и т.п., причем применительно к национальной конкретике, с учетом ценностной иерархии, привычек и весьма устойчивых ментальных «настроений» субъектов отечественной политической и правовой жизни.

Диссертант присоединяется к точке зрения тех исследователей (Ю.А. Веденеев, А.Б. Венгеров, Л.А. Морозова), которые предлагают широкое понимание категории «государственность» и рассматривают последнюю в качестве сложнейшего комплекса элементов, структур и институтов публичной власти, а также компонентов неполитического характера, обусловленных самобытностью духовно-нравственных, ментально-правовых, социально-экономических, геополитических условий жизнедеятельности конкретного народа или «многонародной нации» (суперэтнуса) и находящих выражение на различных этапах национальной истории. Государственность, таким образом, представляет собой весьма многоаспектное и многоплановое публично-правовое образование, обладающее индивидуальной национально-духовной природой и культурно-исторической основой, присущим ей типом легитимации власти и правопорядка, т.к. на институциональном и функциональном уровнях отражает накопленные народом духовные и иные социальные ценности, укорененные в ментальном универсуме.

Далее в работе предлагаются семантические аспекты отечественного политико-правового мировосприятия. Автор показывает, что язык — это значительнейший феномен культуры, отлично сохраняю-

ций, индицирующий и стандартизирующий национальное понимание политико-институциональной и правовой действительности, он всегда сообразен определенному стилю юридического мышления, имманентен национальной политико-правовой парадигме. В плане компаративистского анализа представлены смысл и значение ряда политологических и правовых понятий: «civitas», «stato», «government», «gouvernement», «государство», «государь», «институт публичной власти», «отечество» и др.; исследованы динамический и антропоморфный стиль правового мышления, обнаруживающие себя в специфике национальных политических институтов и структур России и государств, принадлежащих западной политико-правовой традиции.

В этой связи соискатель подчеркивает необходимость изучения (в контексте правоментальных исследований) уклада типичной российской семьи как первичного института, в рамках которого формировалась и формируется духовность индивидов, первичные представления и поведенческие установки, полагает наличие органичной взаимосвязи на уровне архетипов и символов институтов семьи, общины, собственности, гражданского общества, государства в общенациональном политико-институциональном пространстве.

Таким образом, автор приходит к выводу, что национальный политический и юридический опыт, объективирующийся в различных государственно-правовых процессах и структурах, формируется в пределах ментально-интеллектуального горизонта эпохи и общества. Имманентный стилистике и смысловому содержанию ментального поля российской цивилизации образ отечественного «суверена» - сложный (в первом приближении противоречивый) сплав господствующих долгое время воззрений, поднимающихся над непосредственной данностью единичных объектов представлений, продуктов национального политического миропонимания. Существенные в плане правоментального измерения российской государственности моменты вычлениаются диссертантом при анализе социально-патерналистской сущности государства, конструкции «гражданин-подданный», соотношения прав и обязанностей граждан и верховной власти, оппозиций «централизация-регионализация», «управления и самоуправления» их юридических и исторических основ и трансформаций.

В данном параграфе диссертант также исследует такую мало-разработанную и весьма неоднозначную проблему, как легитимация государственной власти в отечественном политико-правовом прост-

ранстве. Показывает необходимость введения дополнительных критериев оценки властеотношений, политического и правового порядка в конкретной правоментальной реальности: «дистанция власти», «допустимый уровень социального (формально-правового и фактического) неравенства», «боязнь неизвестности» и др. Приводятся данные современных социологических и политологических исследований, иллюстрирующие целесообразность использования данных категорий (критериев) для понимания особенностей и перспектив политико-правовой модернизации в государствах, принадлежащих к различным типам цивилизации.

Во втором параграфе **«Институт государственной власти в российской национально-ментальной традиции: легализация модернизационных проектов»** автор конкретизирует проблему государственной власти относительно отечественного политико-институционального пространства и модернизационных процессов, выявляет национально-культурный статус ряда важнейших элементов последнего, показывает взаимосвязь природы власти с общим ритмом национальной политической и юридической жизни.

Многомерное и полифакторное представление политической жизни, «привязка» ее к цивилизационной (этноментальной) конкретике, наличие различных моделей государственной организации (властных институтов и структур) явно выходит за рамки традиционных для отечественного политико-правового дискурса последних десятилетий доктрин, предполагает поиск принципиально иной аналитики власти. В этой связи диссертант анализирует методологический потенциал традиционного для западного и отечественного государствоведения юридически-политического понимания специфики государственной власти в пользу более результативного с точки зрения цели и задач правоментального измерения отечественной государственности интеллектуально-технологического подхода. Представление власти по схеме «господство и подчинение» должно уступить место ее анализу в качестве совокупности властных отношений, механизмов, намерений, стратегий и целей, институциональная кристаллизация которых всегда проходит в рамках определенной правокультурной традиции.

В этом отношении интерес представляет система взглядов М. Фуко, который вместе с другими западными философами, политологами, правоведами, социологами примерно с конца 60-х гг. XXв. начинает уделять особое внимание выявлению и изучению механизмов

власти внутри самой социальной системы, при этом во многом опираясь на имеющиеся во французской историографии наработки в области теории ментальности. В поисках культурно-национальных оснований политико-институциональной реальности любое явление, в том числе и отношения власти и управления, М. Фуко предложил «погрузить» в контекст существования разнообразных социальных практик, имеющих место в определенную историческую эпоху в конкретном цивилизационном ареале и являющихся видимыми и невидимыми опорами, детерминантами и условиями наличествующих в политической системе страны властных отношений, структур и институтов. Итак, метод Фуко - это движение от публичных дискурсов-знаний к скрытым (реконструируемым) дискурсам-практикам и от них обоим к таким социальным практикам, которые позволяют понять, как интересующее исследователя явление конституируется, существует, трансформируется, вступает во взаимоотношения с другими явлениями. И наоборот, это движение от соответствующих социальных практик к скрытым и публичным дискурсам. В рамках подобных представлений о природе государственной власти, «мыследействующей», «осуществляющейся», бытийствующей в определенной социокультурной, регулятивной реальности, М.Фуко преодолевает «анаболическое» ее конструирование, граничащее подчас с примитивным механицизмом, наивным рационализмом и материализмом. В отечественной правовой и политической науках достаточно близко к выявлению национальной природы власти подошел Н.Н. Алексеев.

С позиций понимания особенностей отечественных политических структур, институтов и процессов в свете национальной политико-правовой ментальности подобный теоретико-методологический ракурс приобретает явное эвристическое значение, так как позволяет заглянуть в раннее не замечавшиеся или не отмечавшиеся в большинстве исследований пласты юридикто-государственной реальности. Государственная власть, те или иные политико-институциональные трансформации в истории России, их позитивные или негативные результаты могут и должны быть рассмотрены в контексте канонов традиционного жизнепонимания и жизнестроительства россиян.

Привлекая в качестве методологии интеллектуально-технологический подход, а также особый метод генетической реконструкции, предполагающий использование исторического материала в качестве модели, позволяющей идентифицировать феномен государственной

власти, вскрыть ее этнополитические и правоментальные основания, специфику ее правовой и политической институционализации, разрешения конфликтов в национальном властном поле, автор выделяет и анализирует ряд базовых и производных социальных (публичных) практик, источников развития российской государственности: «бегство» (уход) от государства» (экстенсивный способ политико-правового развития); особенности отношений «народ - царь - бояре» (проблема единения общества и «верховного правителя», «Земли» и «Государя», вопрос о «природном самодержавии»); социальную органичность государственного начала; «олицетворение» государственной власти; «самозванство», «служение: «государственная власть - общество» (отечественный способ регулирования властных отношений, духовно-нравственная легитимация публичного правового порядка, правообязанность) и др.

Кроме этого, особое внимание диссертант уделяет правоментальному измерению (на доктринальном и повседневном уровнях) института разделения властей, реализации данной теории в современном отечественном конституционно-правовом пространстве. Привлекая не только различные идеи и оценки данной проблемы (принадлежащие отечественным и зарубежным мыслителям), но и данные социологических исследований последних лет, автор приходит к выводу о том, что концепция разделения властей не привела к эффективности функционирования государственного аппарата, ожидаемой самостоятельности и «неподопечности» его различных органов, четкой институционализации законодательной и судебной ветвей, но и во многом стимулировала хаос и разобщенность властных структур в постсоветской России. В этой связи в работе отмечается отсутствие в Конституции РФ принципиального для архетипов отечественной политической культуры положения о единстве государственной власти.

В заключение параграфа дается анализ проблемы соотношения права и нравственности в контексте осмысления традиционных механизмов регулирования публично-властных отношений в российской государственности.

Третий параграф «Современная российская правовая государственность и гражданское общество: конфликтогенность правоментальной институционализации» посвящен анализу правокультурных и этнополитических аспектов процесса модернизации современ-

ной российской государственности, проблемам и перспективам формирования отечественного правового государства и гражданского общества.

Выявляя национальные основы законности, автор обращает внимание на то, что право и закон (в узком, свойственном западной культуре формальном их понимании) никогда не играли в русской жизни роль безальтернативного, исключительно позитивно воспринимаемого большинством населения регулятора общественных отношений. Такая ситуация, по мнению диссертанта, и явилась причиной того, что в трудах ряда российских исследователей правовой нигилизм представлялся в качестве «исторически-укорененной» черты русского народа. Непонимание логики развития собственного жизненного мира, привычного способа регулирования общественных отношений и содержания национального нравственно-религиозного пространства, специфики институционализации прав человека в России привели к представлению западных моделей законности и правопорядка, институтов гражданского общества и правового государства в качестве универсальных ориентиров модернизации обществ, принадлежащих к иному правоментальному универсуму. Подобная ситуация изменение отечественной политико-правовой жизни в постсоветский период под воздействием многих установок евроамериканской парадигмы правового мышления имеет деструктивные последствия в различных социальных сферах и требует пересмотра.

Автор отмечает, что важнейшей предпосылкой законности выступают имеющие место в том или ином обществе правовые предписания, содержащиеся в нормативных актах либо иных источниках права, и чем совершеннее такие акты, чем органичнее они-totalности жизненного уклада населения страны, ее исторически сложившейся институциональной целостности, тем, несомненно, выше и уровень законности. Эти проблемы должны стать предметом пристального анализа российских исследователей.

В работе подчеркивается, что отечественный обыватель, для которого проблема законности неразрывно связана с регулятивным синкретом «правды», а государство в целом традиционно воспринимается не как «вынужденное зло», но как политическая форма единения народа, общая ценность, не может уважать закон и вообще право просто за то, что эти феномены обладают рядом формальных признаков (нормативностью, институциональностью, высшей юридической силой, особой процедурой принятия и др.), или за то, что это

собственно «право», за то, что оно является неотъемлемым элементом любого «цивилизованного» общества, а закон кому-либо «удобен» и «выгоден». В переломные же эпохи развития национальных правовых и политических институтов и структур данное суждение становится тезисом, аргументируемым самой (юридико-государственной) жизнью социума - совокупностью закономерных и случайных событий. Становится ясно, что в условиях российской правоментальной действительности необходим поиск иных механизмов обеспечения законности и правопорядка. В этом плане диссертант обращается к исследованию социальных и нравственных начал законности (пониманию, ощущению на уровне массового сознания категорий долга, справедливости и целесообразности и др.), а также анализирует классический (в западном юридическом мире) принцип организации правопорядка - «все, не запрещенное законом, дозволено».

Без соотнесения последнего с имманентным российскому политико-правовому миру характером межличностных отношений, определяющим национальное институциональное и регулятивное пространство современные реформаторы, тем не менее, стали строить правопорядок новой России именно в соответствии с его содержанием. В итоге прежний правовой порядок, основанный на «вредных» либерально-демократическому периоду¹ развития отечественной правовой и политической системы юридических принципах, окончательно расшатался, а формирование нового, очевидно, стало пробуксовывать, что в итоге и привело к глубокому кризису политико-правовой культуры, разрушению единства духа и буквы закона.

Рассматривая культурно-социальную основу отечественного правового порядка, его глубинные источники, автор приходит к необходимости анализа проблемы «соборности» как традиционного принципа национального жизнеустройства, в соответствии с которым российская политико-правовая реальность - это не механизм, а организм, общее, включающее в себя богатство, особенного и единичного. Соборность как явленный самой национальной историей способ организации социального пространства, очевидно, выдвинула и особый (в правоментальном плане) тип личности, ее духовности, поведенческих ориентиров, обозначила специфику правового и морального сознания человека, представлений о «праведной жизни» и нравственно вмещающей личности и т.д. Поэтому диссертант соглашается с мнением тех авторов (Н.И. Матузов и др.), которые считают, что в условиях

русской (соборной) действительности данный принцип должен быть дополнен указанием на необходимость следования принятым в нашем социуме нормам морали, характерным для народов России поведенческим установкам. В противном случае неизбежны негативные социальные последствия, разрушение сложившегося веками регулятивного баланса, привычного политико-институционального пространства.

Проблема законности и правового порядка в России справедливо (в современной отечественной и зарубежной литературе) связывается с необходимостью институционализации гражданского общества и формирования правового государства. В этом плане в работе исследуются некоторые подходы к пониманию природы гражданского общества и определению его значения в российском политико-правовом пространстве. Автор показывает очевидную неприемлимость сформировавшихся в русле западной политической традиции классических моделей гражданского общества (индифферентной, антиномичной и иных концепций), сложность логико-семантического анализа самого этого термина и предлагает «приземлить» теорию гражданского общества к отечественным правовым и политико-институциональным реалиям и обратить внимание на образ (тип) «соборного» общества как органичную национальному мировосприятию систему (совокупность) социальных связей. В рамках такого типа социально-политических связей становится ясно, почему широко декларируемый в 90-х гг. XX в. принцип «не запрещенное законом дозволено», напротив был воспринят большинством россиян как уход государства, дистанцирование, стремление упростить проблему, уклониться от решения сложных и важных для развития любого общества вопросов права, справедливости, порядка, нравственности, собственности и др.

Завершается параграф рассмотрением перспектив модернизации социально-политических структур и институтов в постсоветской России. Опираясь на приводимые в работе эмпирические данные, автор отмечает сохранение на уровне массового сознания большинства современных россиян характерных для правового фонда страны приоритетов интересов общества над интересами личности, убеждений о необходимости расширения регулирующей роли государства, охраны со стороны государственных структур прав и свобод человека и гражданина. В этой связи, по мнению диссертанта, правовая политика страны в XXI в. должна преследовать цель построения социального правового государства, поэтому в работе отмечается важность реализа-

ции, а не простого декларирования конституционной нормы о социальном характере Российской Федерации, а также необходимость институционализации прав человека и гражданина второго и третьего поколения.

В плане общей стратегии речь должна идти о трансформации российской государственности без вестернизации и формировании адекватной этому курсу правовой политики. Настало время смены модернизационной стратегии развития национальных политико-правовых структур и институтов: необходим переход от догоняющей модернизации к постмодернизации как развитию на базе собственных культурных оснований без смены идентичности. Именно в этом ключе - стремлении обнаружить и концептуализировать стратегии развития отечественной государственности найти собственный путь к осуществлению общественного идеала, восстановления режима законности - автор и предлагает обратиться к евразийскому проекту гарантийного государства как государства с положительными правовыми обязанностями в отношении общества.

В заключении формулируются основные выводы по теме проведенного исследования, определяются перспективы дальнейшего изучения отечественной государственности в правоментальном контексте, подчеркивается необходимость дальнейшего аналитического рассмотрения национально-культурных оснований широкого спектра современных политико-юридических проблем, способствующего адекватному пониманию и оценке результатов и основных направлений развития постсоветского политико-институционального и правового пространства.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. *Мордовцев А.Ю.* Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов н /Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.12,5 п.л.
2. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Государственная власть: Введение в общую теорию. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.19п.л./7,5п.л.

Статьи и другие публикации

3. *Мордовцев А.Ю.* Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы //Правоведение. 2003. №2. 0,8 п.л.

4. *Мордовцев А.Ю.* Реальность юридического мира в пространстве национальной культуры: вопросы теории и методологии //Философия права. 2003. №2. 0,9 п.л.
5. *Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Мишель Фуко: поиск оснований государственной власти //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2003. №5. 0,5 п.л.70,3п.л.
6. *Мордовцев А.Ю.* Феномен государственной власти в отечественном социально-политическом пространстве: путь к очевидности //Философия права. 2004. №1.0,9 п.л.
7. *Мордовцев А.Ю., Зуева Ю.А.* Российская правовая система в ментальном измерении: постановка проблемы //Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. № 2.
8. *Мордовцев А.Ю.* Национальный правовой менталитет: методологические проблемы //Юридический вестник. 1999. №1.0,3 п.л.
9. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю.* Теория государства и права. М. - Ростов н /Д: Изд-во МарТ, 2003. 54 п.л. /19 п.л.
10. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко КВ.* Теория государства и права. Ростов н /Д: Изд-во МарТ, 2002.34 п.л. / 14 п.л.
11. *Мордовцев А.Ю.* Перспективы отечественной правовой реформы и архитектура национального правового - менталитета //Научные труды РАЮН: В 2 т. Вып. 2. М., 2002. Т.1.0,5 п.л.
12. *Mordovtsev A.* Subjectivity and Philosophy of "Possible Worlds" //VII. Internationaler Leibniz-Kongress. V.II. Berlin, 2001. 0,3. п.л.
13. *Мордовцев А.Ю., Вернее А.Э.* Правовое государство в России: культурцивилизационные антиномии переходного периода //Вісник ЛАВС МВС України. Ідея праєвої держави: історія і сучасність. Спеціальний випуск. Луганськ, 2004. Ч. 2. 0,4 / 0,3 п.л.
14. *Мордовцев А.Ю.* Государственная власть и право в сакрально-космологической модели мира//Новая правовая мысль. 2004. №1.1п.л.
15. *Мордовцев А.Ю.* Структурно-функциональные методы в изучении социально-правовых явлений //Вторые Смирновские чтения: Материалы Международной научной конференции. М., 1999.0,3 п.л.
16. *Мордовцев А.Ю.* Толерантность в контексте отечественной политико-правовой ментальности //Диалог цивилизаций: Восток-Запад» Материалы 4-го Международного философского симпозиума. М., 1999. 0,4.

17. *Мордовцев А.Ю.* Логика и юридическая практика: terra incognita //Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VI Всероссийской научной конференции. СПб, 2000.0,2 п.л.
18. *Мордовцев А.Ю.* Юридическая ментальность и исторические традиции генезиса российского государства //Проблемы теории и практики в социально-экономических, политических, правовых преобразований на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2000.0,3 п.л.
19. *Мордовцев А.Ю.* Постижение национальной ментальности (к вопросу о новой парадигме гуманитарных исследований) //Философский век. Альманах. Вып. «История идей как методология гуманитарных исследований» /Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2001. 0,4 п.л.
20. *Мордовцев А.Ю.* Филиация отечественных правовых идей: рождение дискурсивного сообщества //Актуальные проблемы правовой науки /Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002.1 п.л.
21. *Мордовцев А.Ю.* Правовое мышление и национальный «пред-правовой кодекс» поведения: эскиз проблемы //Проблемы современной юридической науки в свете политико-правового реформирования России /Сб. науч. ст. Таганрог, 2002.0,7 п.л.
22. *Мордовцев А.Ю.* Правовое мышление: логико-прагматические основания //Третьи Смирновские чтения: Материалы Международной научной конференции. М., 2001.0,3 п.л.
23. *Мордовцев А.Ю.* Право и поведение: социокультурные аспекты исследования проблемы //Научные труды РАЮН: В 3 т. Вып. 3. М., 2003. Т.1.0,6 п.л.
24. *Мордовцев А.Ю.* Постклассическое правопонимание: к вопросу о парадигмальном сдвиге в современной юридической науке //Современная философия науки: состояние и перспективы развития: Материалы XVI Ежегодной научно-практической конференции кафедры философии РАН. М., 2003. 0д п.л.
25. *Мордовцев А.Ю.* Права человека - национальная идея? (к вопросу о «скрытых» дискурсах отечественного политико-правового пространства) //Гуманитарность. Коммуникации. Толерантность /Межвуз. сб. науч. ст. Ростов-на-Дону, 2003.0,3 п.л.

26. *Мордовцев А.Ю.* К вопросу о логических основаниях юридического языка //Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VII Общероссийской научной конференции. СПб., 2002. 0,3 п.л.
27. *Мордовцев А.Ю., Чумакова К.Н.* Природа государственной власти: мифы и реальность //Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: Материалы II Международной научно-практической конференции. Таганрог: ТИУиЭ, 2001. 0,3 п.л / 0,2 п.л.
28. *Мордовцев А.Ю.* Отечественный политико-правовой дискурс: методологические аспекты национальной самоидентификации //Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: Материалы международной конференции. Самара, 2001.0,3 п.л,
29. *Мордовцев А.Ю.* Природа и смысл юридической парадигмы //Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса: В 3 т. Ростов н/Д: Изд.-во СКНЦ ВШ, 2002. Т.3.0,1 п.л.
30. *Мордовцев А.Ю.* Основания гуманитарной парадигмы европейского образования и метафизика диалога //Гуманитарная культура специалиста /Межвуз. сб. науч. ст. Таганрог: ТИУиЭ, 2001.0,6 п.л.
31. *Мордовцев А.Ю., Зуева Ю.А.* Онтология гуманизма в политико-правовом пространстве //Проблема нового гуманизма в мировом и российском контекстах: Материалы IV ежегодной научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2001. Т.1. 0,3 п.л /0,2 п.л.
32. *Мордовцев А.Ю., Горьковенко Ю.А.* Ментально-аксиологический дискурс современного правопонимания //Бренное и вечное: Проблемы функционирования и развития культуры: Материалы Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 2000. 0,2 п.л./0,1 п.л.
33. *Мордовцев А.Ю., Васильев А.К.* Российский правовой менталитет: поиск концептуальных оснований //Россия, Восток, Запад: диалог культур /Сб. науч. труд. Международной научной конференции. Хабаровск, 1997.0,3 п.л./0,2 п.л.
34. *Мордовцев А.Ю.* Проблема социального мифа //Восток - Запад - Россия: Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д: Изд.-во РГУ, 1993. 0,2 п.л.

35. *Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В.* Психолого-философские основания рациональности субъекта //Рациональность и проблемы познания /Межвуз. сб. науч. тр. СПб, 1995. 0,3 п.л./0,1 п.л.
36. *Мордовцев А.Ю.* Актуальные проблемы исследования российского правового менталитета //Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании /Сб. тезисов I Международной научно-практической конференции. Таганрог: ТИУЭ, 1999. 0,3 п.л.
37. *Мордовцев А.Ю.* Российская политическая система в ментально-правовом измерении: постановка проблемы //Ценности и отчуждение в культурно-цивилизационных процессах: Материалы Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 1999. 0,2п.л.
38. *Мордовцев А.Ю., Янченко Т.В.* Современное правовое воспитание: место и роль дополнительного образования в гражданском становлении личности ребенка //Проблемы правового образования в контексте модернизации общего образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Изд. дом «Новый учебник», 2002. 0,3 п.л./0,2 п.л.
39. *Мордовцев А.Ю.* Права человека в отечественной социокультурной ситуации //Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: Материалы II научно-практической конференции. Таганрог: ТИУиЭ, 2001. 0,3 п.л.
40. *Мордовцев А.Ю. Хоменко СМ.* Миграция в России: социально-правовые аспекты //Миграционная политика в России в XXI веке: Материалы Международной конференции. РЮИ МВД. Ростов н/Д, 2004. 0,2 п.л.
41. *Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В.* Роль цикла в философии О. Шпенглера: историческая ретроспектива //Циклические процессы в природе и обществе: Материалы II Международной конференции. Ставрополь, 1994. 0,2 п.л./0,1 п.л.
42. *Мордовцев А.Ю.* К вопросу о «своеобразии» русского пути развития //Сб. науч. труд. Международной научной конференции. Хабаровск, 1993.0,2 п.л.
43. *Мордовцев А.Ю.* Стратегии современного правового воспитания и обучения //Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании /Сб. тезисов I Международной научно-практической конференции. Таганрог: ТИУЭ, 1999. 0,4 п.л.

44. *Мордовцев А.Ю.* Законность в России: опыт историко-культурного осмысления //Проблемы российской правовой системы. Инновационные процессы в образовании. Материалы III Международной научно-практической конференции. Таганрог: ТИУиЭ, 2003.0,3 п.л.
45. *Мордовцев А.Ю.* Сущность политико-правовой парадигмы //Философия права в условиях глобализации: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2002. 0,2 п.л.
46. *Мордовцев А.Ю.* Логические основания юридических рассуждений в романо-германской и англосаксонской правовых семьях //Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VIII Общероссийской научной конференции. СПб, 2004. 0,2 п.л.
47. *Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* К вопросу о преподавании истории политических и правовых учений на юридическом факультете *IN* научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и молодых ученых /Сб. докладов. Таганрога: ТИУЭ, 2004. Т 1.0,3 п.л./0,2п.л.
48. *Мордовцев А.Ю.* Что русскому здорово, то немцу - смерть? (или еще раз о пользе сравнений в современной гуманитарии) //Россия - Германия: диалог культур /Сб. науч. тр. /Отв. ред. И.В. Голубева. Таганрог: ТИУиЭ, 2003. 0,3 п.л.
49. *Мордовцев А.Ю.* Разделение властей: история и теория проблемы: Учебное пособие. Таганрог: ТИУиЭ, 2000.2 п.л.
50. *Мордовцев А.Ю.* Российский менталитет и правовая система //Проблемы регионального управления, экономики, права и образования: Материалы I Международной научно-практической конференции. Таганрог: ТИУиЭ, 2000.1,2 п.л.

**Подписано к печати 18.03.2004. Формат 60х84¹/₁₆. Усл.-печ. л. - 2,3.
Заказ № 185 . Тираж 100 экз.**

**Отпечатано в изд-ве Таганрогского института управления и экономики
Россия, 347900, г. Таганрог, Ростовская обл., ул. Петровская, 45**

04-150 90

РНБ Русский фонд

2005-4

11895